

САША ХЕЛЛМЕЙСТЕР

АКУЛИЙ КОРОЛЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х36

Иллюстрация на обложке — *Nicta*

Внутренние иллюстрации — *JodiKein*

Хеллмейстер, Саша.

Х36 Акулий король / Саша Хеллмейстер. — Москва : Эксмо, 2026. — 464 с. — (Коллекция странных дел).

ISBN 978-5-04-229382-5

Когда семнадцатилетняя Шарлиз Кане теряет мать, а затем и отца, ее отправляют в частную школу-пансион для сирот. Там чертовски хорошо — даже слишком. Кажется, жизнь дала Шарлиз шанс начать все с нуля.

Однако пять лет спустя в пансион приезжает один из меценатов, господин Мальяно, мафиози, прозванный в Чикаго Акульим королем. После его визита начинают пропадать студенты. Очень скоро Шарлиз понимает: она будет следующей.

Положив глаз на Шарлиз, Мальяно приглашает ее на стажировку в его компании. Вот только... у мафиози на девушку особые планы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229382-5

© Хеллмейстер С., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

— Шарлиз. Выпрямись, будь добра.

Так говорила мадам Коэн каждый раз, как ей казалось, что Шарлиз недостаточно прямо держит спину, но, в конце концов, все знали, что мадам Коэн придирается. Она придралась бы и к фонарному столбу, будь на то ее воля. В свои шестьдесят с лишним она обладала идеально ровным станом и была почти нечеловечески холеной. Однако в интересах Шарлиз было расправить плечи, хотя дальше расправлять просто некуда — спина сломается.

Сюзан искоса поглядела на нее и улыбнулась одними уголками губ, так озорно, как умела лишь она одна. К ней по неясной причине Коэн не цеплялась, хотя ее осанка была далеко не идеальной. Просто такие люди, как Сюзан, обычно ловко ускользают от замечаний. Студентки шептались: «Ума не приложу, что она для этого делает?», «Быть может, это чистое везение?»

«Мне вот всегда не везет», — подумала Шарлиз.

Когда Коэн говорит «будь добра», это значило, надо слушаться беспрекословно. И Шарлиз сразу выполнила все, что было велено, лишь бы та перестала сверлить глазами. Тогда мадам Коэн прошла дальше, вдоль длинного ряда учениц, внимательным ястребиным взглядом окидывая всех девушек выпускного курса.

— Чудесно, filles¹, чудесно, — сухо сказала она. — *Maintenant, tu as l'air décent*². Это более или менее пристойно смотрится. Запомнили, кто где стоит?

— Да, мадам Коэн, — хором ответили те.

---

¹ Девочки (фр.).

² Теперь вы выглядите достойно (фр.).

Хор производил очень унылое впечатление, как и они сами: вспотевшие в форменных рубашках, жилетах и юбках из-за последней осенней жары, утомленные излишне солнечным сентябрем, с потными лицами и забранными в косы и пучки волосами: хвосты были неприемлемы, но не всегда — только если в пансион при колледже имени Милтона Херша, на административный курс, приезжали важные шишки.

Таких они ждали со дня на день.

— Элис. Карина. Подойдите ко мне после смотра. Я распоряжусь по поводу ваших юбок: они слишком коротко подшиты. Вы не знаете наш устав?

— Это потому, что я очень выросла за лето, мадам Коэн, — с улыбкой ответила Карина Эйвори.

Она в карман за словом не полезет. Девушки улыбнулись. Строит из себя школьницу, глупая, надеется смягчить гримзу Коэн.

— Это потому, что ты сама поработала над длиной иглой и ниткой, — парировала мадам Коэн и медленно моргнула. У Шарлиз в голове промелькнуло странное сходство Коэн с аллигатором, спокойно следящим из воды за добычей. — Завтра в три часа ожидаю вас здесь. Минни. — Высокая широкоплечая староста выступила вперед. — Ты отвечаешь за построение.

— Да, мадам.

Минни встала обратно в ряд и тяжело вздохнула: делать ей больше нечего, кроме как гонять сокурсниц в середине учебного дня взад-вперед на поле для крикета. Но мадам Коэн была здесь ректором, и ей не смели перечить: каждый знал, что к концу года именно она будет выдавать рекомендательные письма на места получше и распределительные — на похуже, и жизнь у многих в ближайшие несколько лет будет зависеть только от этого.

Когда ты круглая сирота, или твоя семья в страшных долгах и тебя отдадут на полный пансион, или хочешь пробиться в высшее административное звено, но нет ни денег, ни связей, твоя задача — не отсвечивать и выполнять все распоряжения: тогда, быть может, потом получишь неплохую работу. Колледж Милтона Херша в обществе считали поистине *уникальным*. Его открыли еще во времена голодной Великой депрессии, и он принимал юношей и девушек от восемнадцати лет, чаще — сирот и детей бедняков, ребят без возможности выучиться в каком-либо другом месте, чтобы, получив образование, они могли зажить достойно под патронажем меценатов.

Уникальным его каждый раз с придыханием объявляли репортеры и журналисты, которые в огромных количествах посещали

колледж Херша, чтобы дополнить здешние новостные сводки несомненно ценными заявлениями: сколько специалистов выпускают в этом году, кем стали его прежние учащиеся, все ли нашли достойную работу, кто и где устроился после того, как ступил за порог роскошных резных дубовых дверей, которые с трудом можно было отворить даже двумя руками.

Главная цель — прославить щедрость и доброту мультимиллиардера Милтона Херша (которому в этом году стукнуло восемьдесят четыре года), устроившего ребятам без шанса на высшее образование жизнь, лучшую из возможных в их печальных обстоятельствах.

В штате Пенсильвания, в округе Лакаванна, близ города Карбондейл, настолько маленького, что все студенты честно считали его деревушкой, куда разрешалось порой ездить с экскурсиями, на восьмидесяти семи акрах располагался пансион с прилегающими территориями. Здание в два корпуса было построено еще в тысяча девятьсот двадцать первом году, затем к нему присоукупили еще около тридцати акров земли, и теперь на земле той, очерченной высокой кованой оградой, произрастали величественные тополя, глядящие стрелами ровно в небо. Они высились по обе стороны от единственной дороги, которая вела в пансион мимо заливных лугов: зимой их укрывал пушистый белый снег, а по весне они превращались в слякотные поля.

Здание в колониальном стиле с крытой террасой и высокими белыми колоннами, с серой крышей, с толстыми стенами и просторными коридорами внутри располагалось на возвышенности: к нему вел длинный ряд белых ступенек, обрамленных гранитными низкими столбами и кованой решеткой между ними.

Дугообразные металлические арки, над которыми лет пять назад долго корпел здешний садовник, мистер Файнс, вели из сада к главному входу и входу с торца и были теперь увиты вьюном и порослью плетистой розы.

Здесь был разбит его же стараниями небольшой сад с беседкой; на западе поставили теннисный корт, просыпанный толстой подушкой из песка, а также — поле для крикета и зеленый газон для американского футбола. Если взглянуть вскользь на школу и место вокруг нее, может показаться, что вы попали не в колледж, существующий на деньги благотворителей, а в престижный отель для богатых туристов, желающих отдохнуть на вольных землях Старой Америки.

Но были здесь и свои неочевидные минусы.

На выезде — контрольно-пропускной пункт. Сбежать невозможно: ограждение высокое, кругом — равнина; до города пешком дойти не так трудно, но по дороге беглеца легко догонит и отловит охрана.

Кроме того, семья учащегося или опекун еще до наступления совершеннолетия подписывали особый контракт на обучение в течение пяти лет. Отказ грозил долгами, за которые самостоятельно студентам было не расплатиться: суммы оказывались так велики, что куда проще было стиснуть зубы и доучиться до выпуска. Парни и девушки выпускались уже в двадцать два — двадцать три года превосходными специалистами в области обслуживания. Кто-то становился управленцем, кто-то работал в администрациях самых разных компаний и учреждений, но огромная часть была просто вышколенной, первоклассной прислугой, распределенной по самым разным местам. После пяти лет обучения, будучи на полном иждивении пансиона, не нуждаясь ни в еде, ни в жилье, ни в одежде, бывшие студенты получали распределительные карточки на места своей первой работы. Отработать там они были обязаны еще минимум пять лет, после чего имели право уйти в свободное плавание. Важным пунктом контракта была полная конфиденциальность. Студенты не имели права высказываться о пансионе и формате обучения дурно, сливать информацию в прессу и каким-либо образом очернять имя Милтона Херша. В противном случае это грозило им огромными неприятностями. Пару раз в прессе появлялись скандальные статьи: бывшие воспитанники колледжа больше не выходили на связь с журналистами, будто бы бесследно исчезая, а как известно, нет человека — нет дальнейшего хода делу; всякое такое дело ловко заминалось огромной свитой хершевских адвокатов, а среди учеников ходили слухи о вмешательстве мафии.

Были там и другие, менее связанные со сплетнями и домыслами минусы — стукачество и лизоблюдство: здешние профессора и персонал это поощряли. Верно, они на опыте своем знали, что в жизни это может очень даже пригодиться.

К минусам Шарлиз причислила бы и ненужные, по ее мнению, но обязательные занятия, вроде этикета, электива по танцам и дипломатической речи: много чего в график вписывали этакого, времязатратного, но не слишком необходимого. Допустим, в нынешнем году это «История Нью-Йорка», и всем студентам даже предстояло сдавать в конце второго семестра экзамен. Все ребята, и она тоже, знали, что из них готовят вышколенную первоклассную прислугу.

Тех, кто подавал надежды и выделялся чем-либо незаурядным, например острым умом, превосходными отметками, социальными наградами и прочими заслугами, обеспечивали грантами и направляли на дальнейшее обучение в более престижных заведениях. Такие ученики формировали элиту хершевского колледжа и ставились общественному мнению в пример, составляя плеяду талантов, под фото которых выделяли особое место в огромном холле колледжа. При входе каждый мог видеть портреты этих молодых перспективных людей, которые смогли вырваться из нищеты и, совсем как в сказке, обрести прекрасный доход и стабильную работу. В свое время среди них были даже два видных политика, крайне одаренный химик, впоследствии ушедший в военную промышленность, и некоторые другие ценные и видные члены общества. Конечно, они были благодарны пансиону и всегда говорили о нем только хорошее, а также посещали новых студентов по приглашениям в дни открытых дверей, чтобы на своих примерах показать, как чудесно складывается жизнь выпускника. Разумеется, у большинства она складывалась не так.

Кроме всего этого, а также поразительной холодности, которую все чувствовали от преподавателей и руководства, и редких, но внезапных и неявных исключений даже блестящих студентов, никаких других минусов, кроме строжайшей дисциплины и иногда абсурдных требований к соблюдению устава, не было. Работа колледжа была отлажена как часы. Даже если некоторым из студентов не нравились здешние строгие правила, они терпели, затыкались и делали все, чтобы не попасться и не получить выговор; три выговора — и в личное дело клеивают письмо с пометкой. Ничего хорошего от этого не жди. Ребятам с такими письмами счастья исключали, и они отработывали свой долг колледжу иначе, но кого-то все же щадили: в них, как говорили профессора строгими голосами, «виден потенциал». Им давали второй шанс.

Зачем-то.

* * *

— Будешь?

Сюзан протянула Шарлиз сигарету, испачканную ободком розовой помады. Шарлиз осторожно взяла ее у фильтра кончиками указательного и большого пальцев и нервно, быстро затянулась.

Они спрятались за поворотом каменного портика, предпочитая коротать солнечный день в тени старой смоквы, посаженной еще во время закладки фундамента. Смоква давала густую ажурную тень и слабо пахла сладким; сквозь ее крону, тронутую ранней жухлой желтизной, ленточками утекал серебряный дым.

— Не хочу нагнетать, но сейчас все забегали, как в задницы ужаленные, — заметила Сюзан и взяла назад свою сигарету, стряхнув пепел между каменными плитами, поросшими травой. — С чего бы это?

— Едут большие шишки, у них в карманах водятся большие деньги, — сказала Шарлиз. — Лишь бы Коэн не сходила с ума, как в прошлый раз.

— Да уж.

Тогда приезжали крутые ребята из Белого дома со звездно-полосатыми значками на лацканах пиджаков, и всем пришлось за неделю разучивать наизусть гимн Штатов, поднимать флаг на флагштоке и стоять по линейке ровными квадратами, притом так, чтобы еще положить руку на сердце и душевно петь.

Потом ребята, изучавшие на спецкурсе английскую литературу углубленно, разучили и показали сценку из «Ромео и Джульетты», ту, что с поцелуем на балконе, а парни разыграли матч — политикам футбол зашел ожидаемо лучше, чем театральная постановка. Вечером, во время фуршета, Нина Арчибалд пела *Casta Diva* из оперы Беллини. Шарлиз тогда обносила гостей шампанским и морщилась, если Нина брала фальшивые верхние ноты, закладывая фальцет от волнения. Мадам Коэн сказала длинную благодарственную речь. Ей долго хлопали и громко сожалели, что сам мистер Херш не смог прибыть для чествования лично. Потом политики наградили особо отличившихся студентов — им подарили большие бархатные шкатулки с маленькими золочеными звездами на синих ленточках внутри. Кто-то из Белого дома сказал, что их всех ждет большое будущее, которым они обязаны президенту, сенату и, конечно, мистеру Хершу. И закончили снова аплодисментами.

Шарлиз вспомнила тот занудный вечер, который казался ей до дерьмового бесконечным, и дурацкую подготовку, когда их долго мучили ранними подъемами и заучиванием гимна, и ругали за каждую мелочь, и постоянно муштровали, — и снова спросила у Сюзан сигарету. Затянулась, зажмурилась. Дым вышел между приоткрытых губ: курить она пока не умела и раскашлялась.

— Наши после приема хотят собраться в красной комнате, — доверительно сказала Сюзан и улыбнулась. — У Лейтона есть виски.

— Откуда? — кашлянула еще раз Шарлиз и развеяла рукой дым возле лица.

— Не знаю. — Сюзан затаилась куда более умело. — У него всегда отовсюду что-то достается. Спроси сама. Как он это делает, черт его разберет.

Шарлиз смутилась, но ничего не сказала — только потеряла щеку. Лейтон нравился ей. Он был старше на год, летом ему исполнилось уже двадцать три. Они были в одной компании: в крутой компании, в такой, где никто не изгой, — скорее, это она с подругами и друзьями устанавливала правила и назначала «неудачников» и «нормальных» среди прочих выпускников. Но даже там, среди этих власть имущих счастливиц, существовала своя жесткая иерархия. И в ней Лейтон был главным заводилой. А с таким парнем рядом хочет быть любая девушка, наверное.

И Сюзан не соврала — у Лейтона действительно кругом одни знакомства. Достать алкоголь, уломать кого-то из ребят, что жили в Карбондейле, чтоб те отвезли его с друзьями на единственные выходные раз в неделю в клуб, или пронести в колледж сигареты — все это было как раз плюнуть. Лейтон был определенно крутым парнем. Лейтон был своим в доску. И хотя он с Шарлиз общался так же, как с остальными, она до сих пор не знала, нравится ему чисто приятельски или стоит ждать чего-то большего.

Хотя и это было неважно. Им остался только год здесь, дальше их ждало распределение и настоящая самостоятельная жизнь, которой они жаждали и боялись. Что там было за пределами колледжа Херша, один Господь знал, тем более в то беспокойное время.

Осенью тысяча девятьсот восемьдесят девятого.

* * *

Длина юбки должна быть не выше указательного пальца над коленом. Отгладить ее велели так, чтобы клетка собралась в плиссе и шла ровным рядом, сплошным рисунком — и только при движении рассыпалась хаотичным набором серо-голубых квадратов. Воротнички рубашек отутюживали, волосы забирали в тугие косы, пучки и узлы. Никакой неряшливости, никакой небрежности, никакой косметики: это вдалбливали всю неделю,

и Шарлиз не нравилось такое потому, что ей казалось, из них делают прехорошеньких куколок на продажу.

Некрасивых и криво нарисованных обычно оставляют на полке, но это лишняя трата средств для производителя — что-то типа брака. Брак в пансионе Херша не поощрялся никоим образом. Бракованных куда-то девали, и их больше никто не видел.

Шарлиз заплела из темных волос косу, чтобы к ней нынче не цеплялись. Стоял удивительно жаркий день. В лекториях предпочитали весь сентябрь открывать окна настежь, в кабинете ректора и на кафедрах с духотой не справлялись кондиционеры и вентиляторы. Когда Шарлиз накинула на плечи рубашку, ей показалось, что ткань тут же прилипла к коже.

Омерзительно.

В комнате было парко. Дышать почти нечем. Солнце недружелюбно жарило даже сквозь стекла, и Шарлиз толкнула оконные створы в стороны, выглянув на секунду.

Это было утро, когда все ждали важных гостей, и утро, когда все с самого начала пошло не так, как запланировала гримза Коэн, ровно в тот миг, как Шарлиз показалась в окне.

Тому было несколько причин.

Во-первых, мистер Важная Шишка прибыл на двух черных пятисот шестидесятих «Мерседесах». Серебряные диски с логотипами так и посверкивали на солнце. Хромированные детали и квадратные фары были начищены до блеска. Никто не предупредил, что они приедут на два часа раньше положенного и что сразу покажутся с торца и остановятся во внутреннем дворике, завернув возле фонтана. Под колесами, скрипнувшими на гравии, поднялась дорожная рыжая пыль. В тонированных стеклах не было видно ни дьявола.

Во-вторых, пока мадам Коэн спохватилась и начала всю канитель со сбором студентов, готовых приветствовать мистера Важную Шишку, подъехала третья машина, и все внимание мадам мужественно бросила на нее.

В-третьих, времени на переодевание у Шарлиз было так мало, что она в спешке выглянула в окно и увидела, как все торопятся на террасу перед главным входом. Проклятие! Она торчала в бюстгальтере и незастегнутой рубашке, пытаясь не нервничать, но поторапливаться. До того она не сразу обратила внимание на автомобили и что из первого «Мерседеса» там, под густой сенью растущих деревьев, незаметно вышли двое и направились к другой машине. Открыв дверь, они обождали пару секунд, пока на дорогу

не выглянул темно-коричневый кожаный ботинок и не показалась нога. Сразу из темноты автомобильного салона выступил высокий загорелый человек: волосы у него были короткими, стриженными машинкой до колючек, а цветом — что соболя палева шкура, серая в серебро.

Шарлиз услышала, как хлопнули дверью, и заметила его в ажурном кружеве теней от древесных крон; он взглянул на Шарлиз в ответ снизу вверх, и даже на расстоянии она разобрала блеснувшую на его лице узкую, как нож, улыбку.

В следующую секунду она поняла, что стоит в окне почти нагой.
— Черт!

Она в спешке присела на корточки, торопливо застегивая пуговицы дрожащими пальцами. Лишь бы только ее не сдали мадам! Тогда взбучка гарантирована. В комнату заглянула Дженни, ее соседка:

— Ну же, быстрее! — нервно воскликнула она. — Чего ты копаешься?

— Сейчас.

Ей точно всучат дисциплинарное письмо. Накинув на шею галстук и подвязав его под самым воротником, Шарлиз встала, на ходу заправляя рубашку в юбку. Она снова мельком выглянула в окно, мазнула по нему взглядом — и замерла.

Человек внизу никуда не делся и не ушел: он неторопливо курил, поставив каблук ботинка на мраморный бортик фонтана, и небрежно говорил с двумя другими мужчинами в хорошо пошитых черных костюмах, но взгляд его то и дело возвращался к окну.

Шарлиз вздрогнула, когда он заметил ее и повернулся.

«Только этого не хватало!» — подумала она, отпрянула от окна и, сунув ноги в туфли, выбежала за дверь.

В коридорах стояла тишина. Со стен смотрели строгие портреты в деревянных тяжелых рамах, гулкие звуки шагов глушил толстый зеленый ковер на полу. Внизу, в холле, торопливо готовили фото- и видеокамеры приглашенные журналисты; репортеры быстро проглядывали свои бумаги, проверяли технику, болтали друг с другом. Шарлиз заторопилась по лестнице, спустилась в холл и выскользнула из-за массивных дверей. На террасе уже построились, как на репетиции, студенты старших курсов: мадам Коэн, мистер Фитцельманн, миссис Кейн и миссис Доэрти пристально следили за тем, чтобы все выглядели как положено.

Шарлиз, поджав губы, нырнула в ученический ряд, пристроилась предпоследней; она надеялась, Коэн не заметит ее, но рас-

считывать на это было глупо. Та сверкнула глазами. В своем голубом твидовом костюме с брошью в виде инициалов мистера Херша на груди она смотрелась очень грозной и тонкой, как заточенный острый клинок, и одним своим взглядом внушала трепет.

— Встань на свое место, Шарлиз, — спокойно, но холодно сказала она.

Шарлиз вжала шею в плечи и юркнула куда положено, в первый ряд, быстро обежав сокурсников. За спиной мадам Коэн она увидела еще один «Мерседес» и взмолилась, чтобы никто не появился оттуда прямо сейчас.

— Доброго утра, мадам ректор, — сказали где-то позади, и Шарлиз услышала за спиной дробное постукивание каблучков по террасным плитам.

Так звонко звучат только подошвы обтянутых тонкой кожей дорогих мужских ботинок, какие носят под не менее дорогие костюмы, сшитые на заказ.

— Простите мне это внезапное вторжение. Я хотел приехать без помпы, — продолжил человек и подошел к Коэн. — Но вы, судя по всему, приготовились лучше меня.

Она расплылась в улыбке и подала ему руку: он ее деликатно пожал, накрыв сухую белую ладонь своей, загорелой и большой. На длинных пальцах блеснуло несколько золотых колец. На мизинце был золотой же аккуратный перстень.

Шарлиз покосилась на него и обмерла. Это был он, тот человек с сигаретой. Сейчас он стоял в окружении преподавателей и своих сопровождающих, возможно охраны, — как среди черного облака. Сам он носил темно-коричневый, идеально по фигуре костюм-двойку, белую рубашку с острым небольшим воротничком. Цвет этот немного смягчал хищный оттенок его волос и массивную линию челюсти, скул и подбородка.

Из третьего «Мерседеса» вышел и поднялся на террасу мужчина в бежевом костюме, с шапкой светлых кудрей, старательно зализанных назад, но все равно идущих волнами по затылку: он был помоложе прибывшего важного гостя, притом существенно, лет этак на двадцать, но держался очень ровно и достойно. Первому же Шарлиз легко дала бы сорок пять или больше.

«Он видел меня полуголой, — в ужасе подумала Шарлиз. — Боже. Ужас. Только бы ничего не сказал гримзе Коэн».

Мадам по-птичьему суетливо коснулась его плеча, рассыпалась в улыбках, затем повернулась к студентам. Кое-кто из журналистов уже потянулся на террасу, но мужчина в бежевом подошел

к ним и встал так, что пройти мимо него было невозможно. Еще двое в костюмах, с непроницаемыми лоснящимися лицами оставались рядом и были что стена: они отводили фотокамеры руками и качали головами.

Нет, снимать нельзя.

Потом *бежевый костюм* что-то тихо сказал. Репортеры замаялись. На их лицах проявилось разочарование: увы, Шарлиз этого не видела — она не смела даже глаз в сторону скосить и смотрела куда-то сквозь мадам и немолодого гостя, думая только о том, как по спине между лопаток стекает капелька пота и щекочет кожу, скользя под лямкой бюстгальтера.

Наконец и Коэн и гость наговорились. Он пожал еще раз ее тонкое запястье, и Шарлиз подумала, что он запросто мог бы переломить его в жесткой хватке — отчего-то это вызвало неприятную дрожь, как и короткий взгляд на его рубашку с расстегнутым воротником.

«Это точно не политик из Демократической партии», — машинально подумала Шарлиз.

Мадам Коэн откашлялась. Небольшой шум на террасе вторил ей — это журналисты стремились прорваться в двери, но им оказывали холодное сопротивление. Наконец мужчины в черном закрыли двери, а *бежевый костюм* спокойно, даже почти незаметно подошел к своим. Кэрол Коэн не сделала ни секундной заминки, заметив, что заранее приглашенных репортеров таки отсеки: пусть мистер Херш будет недоволен, что из этого приезда не выйдет нормальной статьи, но их гость категорически против снимков.

Недавно газетчики и так всколыхнули общественность новой скабрзной статьей про него, а им только дай повод опорочить доброе имя.

— Мы, профессора и студенты благотворительного колледжа имени Милтона Херша, несказанно рады всякий раз приветствовать на этих ступенях людей с большими сердцами, готовых безвозмездно помогать нашему делу. Вы делаете так, чтобы наш пансион процветал, а сотни одаренных студентов покидали его стены и работали на благо общества. На благо Америки, — громко, торжественно сказала мадам Коэн.

Гость стоял возле нее, с праздной полуулыбкой глядя куда-то вперед и сквозь толпу. Мало-мальски искусственный знаток эмоций понял бы, что его гладкое лицо со здоровым румянцем, лицо абсолютно здорового крепкого мужчины, возрастом перешагнувшего молодость и оказавшегося за порогом зрелости, не выражало